

Покоренные обаянием

Если в западной музыке мелодия стоит во главе угла, отодвигая текст на второй план, то в китайской традиции эти две составляющие делят трон поровну. Впрочем, даже при соотношении «шестьдесят на сорок» в пользу музыки, гонконгская эстрада — Канто-поп — всегда оставалась незыблемой империей великих лириков.

Вы могли не знать имен композиторов, но имена трех главных поэтов-песенников Гонконга гремели на всю страну. И Чэнь Чжихэн по праву считался лучшим среди равных.

Его уникальность заключалась не только в таланте, но и в непоколебимой гражданской позиции. Чэнь Чжихэн пользовался особым расположением государства: именно ему доверяли написание текстов для главных спортивных событий страны и грандиозных гала-концертов «Чуньвань».

Всё это Шу Мину по телефону объяснил Лян Жувэнь еще до поездки. По чистой случайности именно Лян выступил посредником, пригласив Чэнь Чжихэна написать слова к песне для «Степной любви». Многие хиты самого Ляна вышли из-под пера этого мастера; за годы сотрудничества они стали добрыми друзьями. Разумеется, Чэнь Чжихэн не мог не поддержать первый проект своего друга после его возвращения на сцену.

Но то, что мастер обратил внимание на Шу Мина, никак не было связано с протекцией Лян Жувэня. Более того — Лян узнал об этом последним.

— В молодости Чэнь Чжихэн написал два текста, — рассказывал Жувэнь, пока Шу Мин собирал чемодан. — Он хотел, чтобы их исполнил я, но я отказался.

— Почему? — любопытно спросил юноша.

Лян Жувэнь лишь грустно улыбнулся:

— Потому что я не смог бы их прожить.

Мысли Шу Мина вернулись в реальность. Чэнь Чжихэн сидел напротив и добродушно щурился.

Шу Мин первым протянул руку для рукопожатия, а затем на удивительно беглом кантонском представился. Взгляд мастера стал еще мягче. Он повернулся к Гэн Гуаньгуаню и заметил:

— У этого мальчика очень чистое произношение.

Гэн Гуаньгуань не скрывал изумления — никто не предупреждал его, что Шу Мин владеет диалектом! Собеседники заговорили между собой на кантонском, причем так быстро, что Шу Мин перестал улавливать смысл, хотя и догадывался, о чем идет речь.

Чэнь Ганшэн, сидевший у окна, наблюдал, как Шу Мин придвинул стул и совершенно искренне признался Чэнь Чжихэну:

— Это всё, что я знаю. Можно мне продолжить на английском?

В этот миг Ганшэн словно впал в транс, заметив, что, когда этот парень улыбается, у него виден маленький клык.

Чэнь Чжихэн, разумеется, владел общепринятым китайским — иначе он не смог бы писать тексты для песен на путунхуа.

— Ничего страшного, — мягко ответил он. — Мы все понимаем северный диалект. Ты выучил те фразы ради меня?

Шу Мин серьезно кивнул:

— Да.

Несмотря на то что поводом для встречи была музыка, Чэнь Чжихэн не спешил переходить к делам. Он вполголоса отдал несколько распоряжений Ганшэну, а затем, словно обращаясь к любимому племяннику, сказал Шу Мину:

— Ты проделал такой долгий путь, наверняка устал. Пусть Ганшэн покажет тебе город пару дней, хорошо?

Шу Мин сначала оторопел, но быстро принял предложение. Зато сам Ганшэн, глядя в залитое солнцем лицо Шу Мина, на котором виднелся едва заметный пушок, внезапно почувствовал, как к щекам приливает жар. Его путунхуа и без того оставлял желать лучшего, а теперь он и вовсе начал заикаться:

— Тогда... давай обменяемся контактами, если ты не против.

— Значит, ты не местный?

Ночной бриз в гавани Виктория был довольно прохладным. За несколько дней совместных прогулок юноши успели сблизиться. Сегодня они ходили особенно долго, и Шу Мин, заметив длинную скамью, уселся на нее. Он по-хозяйски похлопал по месту рядом с собой, приглашая Ганшэна присесть, и, чуть склонив голову, с улыбкой замер в ожидании ответа.

Под пристальным взглядом Шу Мина Ганшэн долго молчал, пытаясь совладать со своим внезапно отказавшим речевым аппаратом.

— ...Пятьдесят на пятьдесят.

Шу Мин не перебивал. Морской ветер трепал волосы на его лбу, но взгляд оставался ясным и сосредоточенным. Когда он так внимательно смотрел на человека, казалось, будто он хочет навсегда запечатлеть образ собеседника в своем сердце, поощряя того продолжать.

И Ганшэн действительно продолжил, путаясь в словах:

— Я родился в Гонконге, поэтому меня и назвали Ганшэном. Но моя мама не отсюда. К тому же я долгое время учился за границей.

Именно из-за этого Ганшэн вырос таким ранимым. В чужой стране он плохо говорил по-английски, терпел насмешки и боялся лишней раз задать вопрос, чтобы не казаться глупым. Вернувшись в Гонконг, он столкнулся с безумным ритмом мегаполиса и жестким порядком, перед которыми спасовал. Он превратился в «черепашу», прячущуюся в панцире, стараясь быть максимально незаметным. Ему потребовалось больше полугода, чтобы хоть немного адаптироваться.

Но именно эта чувствительность и тонкое восприятие эмоций заставили Чэнь Чжихэна выделить его среди других учеников. Ганшэн страдал от своего характера и порой мечтал быть другим.

Шу Мин был его полной противоположностью. При первой же встрече он открыто признал, что его кантонский — лишь «шпаргалка», выученная в последний момент. Ганшэн подумал, что сам он в такой ситуации, скорее всего, просто принял бы похвалу, а потом мучительно пытался бы соответствовать ожиданиям, выстраивая ложь.

Шу Мин не стеснялся признаваться в своем невежестве и просил научить его новому. Ганшэн никогда раньше не чувствовал, чтобы на него так полагались. В один миг в его душе проснулись неведомые ранее ответственность и храбрость.

Однако, когда они столкнулись с наглым таксистом-мошенником, именно Шу Мин загородил Ганшэна собой и твердо отстаивал их правоту. В тот момент роли мгновенно поменялись: Ганшэн ощутил, что теперь он сам опирается на очень надежного человека...

А на ипподроме Шу Мин с почти детским азартом схватил его за руку, и они вместе бежали к ограждению, чтобы подбодрить выбранных лошадей. Ганшэн никогда в жизни не кричал так громко. За все двадцать лет жизни он редко даже голос повышал, не говоря уже о том, чтобы так неистово вопить на глазах у толпы. Раньше его опыт ставок на скачках ограничивался сидением в прохладном зале с газетой в руках...

Всего за несколько дней сердце Ганшэна оказалось полностью привязано к этому человеку. Он видел, как Шу Мин из робкого новичка, просившего о помощи, превращался в уверенного горожанина, который органично вписался в ландшафт Гонконга и с легкостью справлялся с любыми ситуациями.

Когда Шу Мин смеялся, Ганшэн невольно улыбался в ответ. Стоило Шу Мину нахмуриться — и Ганшэн погружался в тревогу. Его эмоции взлетали и падали, словно на американских горках!

Теперь, когда Шу Мин задал простой вопрос, Ганшэн без колебаний выложил всё о своем прошлом. Он готов был буквально обнажить душу, лишь бы спросить: «Ты хочешь быть моим другом?»

Он искренне завидовал этой легкости и самодостаточности. И эта зависть уже почти перерастала в обожание.

— Вот как?

Мимо по набережной пробежал сосредоточенный атлет с собакой на поводке. Шу Мин с любопытством проводил взглядом статного пса, а затем обернулся и хлопнул Ганшэна по плечу:

— Должно быть, тебе было очень непросто учиться за границей в таком возрасте.

Он на мгновение задумался, а затем улыбнулся:

— Но ты молодец. Говоришь на путунхуа, кантонском и английском — и всё так здорово!

Ганшэн чувствовал, как его захлестывают одновременно нежность и благодарность. Его чувства были словно марионетка в руках Шу Мина. Сердце трепетало, а к глазам подступали слезы.

— Всё... всё нормально.

Наступила тишина. Ганшэн сотню раз подгонял себя, умоляя не затягивать паузу, и наконец набрался смелости:

— Шу Мин, мы можем быть друзьями?

— А?

Шу Мин придвинулся ближе — настолько, что Ганшэн видел его легкую улыбку и отражение неоновых огней в зрачках.

— А я думал, мы уже друзья?

Шу Мин подмигнул ему:

— Разве нет?

— Нет-нет... то есть да! — шея Ганшэна покраснела, он запутался в словах. — Да-да, конечно, мы друзья.

Пока он заикался, Шу Мин уже закинул рюкзак на плечо и, уходя, помахал рукой:

— До завтра!

Как оказалось, оставшись без присмотра брата в незнакомом городе, Шу Мин утратил часть своей детской непосредственности, приобретя взамен очарование взрослого мужчины. По крайней мере, так считал Гэн Гуаньгуань.

Впрочем, Гэн быстро взял свои слова обратно:

— Ладно, взрослости в тебе ровно на капельку.

Вроде бы и стал серьезнее, но приглядишься — всё тот же жизнерадостный щенок!

На что Шу Мин резонно возразил:

— У меня еще не было дня рождения. Вот исполнится на год больше, тогда и изменюсь.

Да уж, аргумент вполне в его духе — по-детски прямолинейный.

Впрочем, именно эта искренность и была нужна Чэнь Чжихэну.

Ганшэн гулял с Шу Мином шесть дней напролет. Они обошли почти весь остров, прежде чем это путешествие подошло к концу. Ганшэну нужно было возвращаться к работе, а Шу Мин планировал провести целый день в отеле, чтобы наконец отдохнуть и подробно отчитаться перед братом и Тётушкой о своих приключениях.

Однако не успел он прилечь, как Гэн Гуаньгуань вытащил его на ужин, заявив, что должен сообщить важную новость. Так они оказались в дорогом китайском ресторане.

Изначально Гэн хотел заказать столик в пафосном французском заведении — там можно было пообедать в долг, просто назвав имя Лян Жувэня. Но там действовал строгий дресс-код, а у Шу Мина в гардеробе не нашлось ни одной подходящей рубашки. Пришлось в последний момент менять планы.

— Хе-хе, в этом месте тоже можно не платить, если сослаться на господина Ляна. Он здесь в доле, так что ешь спокойно, о счете не беспокойся.

Гэн Гуаньгуань поспешил успокоить парня, чтобы тот не чувствовал неловкости, а затем заговорщицки придвинулся ближе:

— Послушай, Сяо Шу, признавайся. Чем ты так опоил Чэнь Ганшэна?

Шу Мин в это время вел неравный бой с порцией «замороженной рыбы с рисом», которая оказалась крошечной и совершенно безвкусной. Да уж, нельзя полагаться на воображение.

Иногда в процессе взросления человек совершает ошибки. Шу Мин уже привык к безупречному сервису дорогих отелей и комфорту первого класса, поэтому подсознательно приравнивал «дорогое» к «хорошему». Что ж, наступило горькое разочарование. Оказывается, пафос и отвратительная еда вполне могут соседствовать.

Шу Мин поджал губы. Было невкусно, но оставлять еду казалось расточительством. Гэн Гуаньгуань продолжал тараторить:

— Он перед своим учителем горой за тебя стоит. Говорит, что ты идеально подходишь для тех текстов, что написал Чэнь Чжихэн. Умолял наставника дать тебе шанс на прослушивании.

Шу Мин на секунду задумался:

— Чэнь Ганшэн? Хэ Ганшэн?

— А, ты не знал? Хэ Ганшэн — это его настоящее имя. А Чэнь Ганшэн — творческий псевдоним, он взял фамилию учителя.

— Знал что?

В этот момент в зал вошел мужчина. Широким шагом он приблизился к их столику и привычным жестом отодвинул стул рядом с Шу Мином.

Тот поднял глаза. Ну надо же, легок на помине. Перед ними стоял тот самый «ходячий банкомат», на чье имя Гэн Гуаньгуань собирался записывать счета — Лян Жувэнь!

<http://bllate.org/book/16119/1588958>